

В. Е. АВЕТИСЯН

ГРАНИ ВЕЛИЧИЯ — НЕОБЪЯТНОЕ НЕ ОБЪЯТЬ

Վ. Ե. Ավետիսյան: Մեծության եզրերը անընդհանրելի են հնարավոր չէ ընդգրկել:
 V. E. Avetisyan. Within the bounds of greatness: one can't grasp the ungraspable.

Окончив в 1946 году ереванскую среднюю школу им. А. С. Пушкина и поступив на биологический факультет Ереванского Государственного Университета, мы с Норой (Э. Ц. Габриэлян) оказались, тем самым, по счастливой судьбе в числе первых учеников Армена Леоновича Тахтаджяна. Самая первая его ученица — Евгения Михайловна Аветисян, которая с 1943 г., параллельно с учебой на том же факультете, активно сотрудничала с Арменом Леоновичем и, увлекшись палинологией, пополнила когорту первых палинологов Советского Союза, внося в дальнейшем неосцимлемый вклад в развитие данного направления. Следующим был Яков Иванович Мулкиджанян. Провоевав всю Великую Отечественную войну, он в 1946 г. поступил в аспирантуру и, завершив ее под руководством Армена Леоновича, с 1953 по 1973 гг. возглавлял Отдел систематики и географии высших растений Института ботаники АН АрмССР.

В течение 1946—1948 гг. мы буквально упивались лекциями Армена Леоновича. Морфология и систематика высших растений, которые он проводил красочно и на изысканнейшем армянском языке, сразу стали для нас первостепенными предметами. Экскурсии же по окрестностям Еревана способствовали не только усвоению лекционного материала. Это была одновременно система навыков работы в природе, преподносимая подчас не без юмора, как, например, питье воды из канавы.

Но грянул печально известный август 1948 года, и Армен Леонович, как и многие маститые биологи, был отстранен от преподавания и занимаемых должностей. Нора перевелась в МГУ. Я же не прекращала контактов с Арменом Леоновичем, и, как оказалось, это тоже преследовалось. Когда выяснилось, что я консультировалась с ним по поводу курсовой работы, получила ультимативную взбучку от руководства факультета.

В 1949 г. Армен Леонович переехал в Ленинград по приглашению ректора Ленинградского университета А. Д. Александрова. Уже будучи профессором ЛГУ, он ежегодно в летние месяцы привозил своих студентов на практику в Армению. В этих поездках принимали участие и мы с Норой. Наиболее ярко запомнилась экспедиция по ущелью р. Милли (приток р. Азат в окрестностях храма Гарни), которое мы «осваивали» с помощью двух осликов — на одном гербарные сетки, на другом незамысловатая пища и спальные мешки (спали прямо на земле в том месте, где нас заставляло соответствующее время суток). Река в сторону верховья мелела, и в одном месте мы, шедшие по ее правому борту, решили перебраться на противоположный. Все пошли вброд, а Армен Леонович, ради экзотики решил это сделать верхом на ослике. Но, ко всеобщему удивлению, животное оказалось ярким представителем своей породы и на середине реки упрямо остановилось в воде, покачивая свой бесценный груз — полные гербарные сетки. Быстрое течение воды от тяжелой ноши катастрофически уносило песок из-под копыт ослика, и он вместе с Арменом Леоновичем начал погружаться в реку. Мы все остолбенели и с трудом «уговорили» упряма продолжить путь. Армен Леонович, не ожидая такого поворота событий, растерялся почти до испуга, но потом этот эпизод служил поводом ко всеобщему веселью. В целом же данная экскурсия была поистине большим практикумом по морфологии и систематике цветковых. Так, *Telephium orientale*, столь непохожий на привычных нам

гвоздичных, именно здесь навсегда внедрился в память, как и многое другое.

По окончании университетской учебы мы поступили в аспирантуру и были прикомандированы в Ботанический институт АН СССР (Ленинград), под руководство Армена Леоновича. Это был уже конец 1951 — начало 1952 гг. В академическом аспирантском общежитии (знаменитое по адресу Петрозаводская 76, недалеко от БИН-а) все места уже были заняты, но одно все-таки нашлось, и первые полгода мы с Норой спали «валетом» на одной кровати в соседстве еще с тремя аспирантками. Это был послеблокадный Ленинград, о чем свидетельствовали остающиеся остовы разбомбленных зданий. Комнаты в общежитии отапливались «голландскими» печками, для растопки которых ранним утром работницы будили нас, вваливаясь с охапкой дров. На каждом из трех этажей по одному туалету и ванной комнате. На кухне «титан» с постоянным кипятиком, читальный зал, «обслуживающий» также все великие празднества. Население — со всех концов необъятного тогда СССР, в том числе и наш старый друг — Н. Н. Цвелев. Всего 40 комнат, в каждой по 4—7 (8) человек. Общая атмосфера — позитив и дружба.

В этот период Армен Леонович с женой Алей (Алиса Григорьевна Давтян — милейшая, широкообразованная женщина, лишь на несколько лет старше нас) и 1—2-годовалым сыном Леоном, ютились в одной комнате, перегородкой занавеской, в общей квартире в районе Пяти углов. Но вскоре они получили широко известную ботаникам квартиру на ул. Рентгена 2, в переезде на которую мы принимали активное участие. Здесь же у них родилась двойня — Сурен (ныне филолог) и Елена (биолог). Несмотря на «избыток» детишек, это был гостеприимный дом, где, в частности, мы, а в дальнейшем и все ученики Армена Леоновича были желанными гостями. В те годы у них мы встречались с сыном А. Б. Шелковникова, Бебутом Александровичем (специалистом по фарфору в Эрмитаже), с именитыми археологами Б. Б. Пиотровским и Р. М. Джанполадян и их сыном-подростком, ныне директором Эрмитажа, М. Пиотровским и многими другими интересными и известными личностями.

Итак, мы в Ленинграде. Армен Леонович сразу поставил условие — сначала разделаться с обязательным экзаменом по философии, потом уже ботаника. При этом наше «философствование» должно было сопровождаться посещением музеев и филармонии. Ленинградский симфонический оркестр, под руководством знаменитых дирижеров Зандерлинга и Мравинского, тогда был в зените своей славы. Каждый понедельник (как это было в Ереване) мы наслаждались классической музыкой. Из музеев на первом месте был Эрмитаж, а в Эрмитаже — богатая коллекция картин импрессионистов. Философию мы одолели в библиотеке АН СССР (БАН), где хранился также один экземпляр книги Гогена «Ноа-ноа» о тайянском периоде его жизни. Так вот, Армен Леонович нас обязал воспользоваться возможностью и прочесть ее, что несказанно скрасило принудительное штудирование произведений классиков марксизма-ленинизма и способствовало более вдохновенному общению с шедеврами изобразительного искусства.

Наконец настал решающий момент. Позади экзамен по философии. Армен Леонович торжественно объявил нам, что теперь уже время выбора темы — кавказские представители родов *Sorbus* и *Inula*. Поскольку мы не имели ни малейшего представления о проблемах систематики этих родов, условие выбора было нереальным. Тогда Армен Леонович, написав на клочках бумаги *Sorbus* и *Inula*, протянул их нам в зажатых руках. Таким способом Нора стала обладательницей *Sorbus*-а, а я — *Inul*-ы. На этом Армен Леонович завершил свое руководство в общепринятом понятии этого слова и отпустил нас в свободное плавание

в бескрайнем океане интеллектуальных потенций БИН-а. Здание Гербария тогда заселяли ведущие специалисты страны — Б. К. Шишкин, С. Ю. Юзепчук, М. Г. Попов, Я. И. Проханов, А. Х. Криштофович, А. И. Толмачев, И. Т. Васильченко, Е. И. Штейнберг, С. Г. Горшкова, корнями уходящие в 19-ый век; более “молодые” — С. Г. Тамамшян, Ан. А. Федоров, И. А. Линчевский, Е. Г. Бобров, В. Х. Бочанцев, З. Т. Артюшенко, М. Э. Кирпичников, А. И. Пояркова, Е. Г. Победимова, С. Ю. Липшиц, Д. В. Лебедев, Л. И. Иванова и др. К каждому из них можно было запросто обратиться с вопросом из их компетенции. Тогда еще недостаточно четко был разработан “Кодекс ботанической номенклатуры”, витиеватые тонкости которого на специальных семинарах обсуждались под главенством Я. И. Проханова. Нам чрезвычайно повезло с курсом ботанической латыни, который по инициативе Армена Леоновича провела Нора Ноевна Забинкова для сотрудников БИН-а. В дальнейшем она долгие годы помогала эпистолярным способом иногородним специалистам, а справочники и словари, созданные ею совместно с М. Э. Кирпичниковым — неотъемлемая принадлежность систематиков и по сей день. Богатейшая библиотека БИН-а с его предметным каталогом по семействам и родам, свободным в те годы доступом к справочной литературе и заботливо доброжелательным высокопрофессиональным персоналом, во главе с ныне здравствующим директором Г. Н. Панкратовой, значительно сокращали затраты времени для сбора научной информации. Всему этому поколению широкообразованных высококультурных людей вечная память и благодарность!

В самом буквальном смысле нам предстояло “грызть гранит науки”, что мы и делали вплоть до защиты диссертаций 14 марта 1955 г. Армен Леонович перелистал наши уже переплетенные опусы, остался доволен, а титулованные оппоненты — Б. К. Шишкин (у обоих), С. Г. Тамамшян (у меня), Ан. А. Федоров (у Норы) удостоили высокой оценки наши “кровью и потом” (и слезами!) созданные произведения, тем самым, соответственно, руководителя. Естественно, по ходу работы Армен Леонович при каждом общении с ним (а это было всегда и в дальнейшем) походя давал направляющие советы, но рутинной систематикой мы овладели самостоятельно, за что ему еще раз великое спасибо!

За это время в 1954 г. вышел в свет первый том “Флоры Армении”, автором которого был всецело Армен Леонович. Вернувшись в Ереван сразу же после защиты и уже в статусе научных сотрудников, мы были вовлечены в обработки различных семейств для последующих десяти томов “Флоры Армении”. У меня (кстати, и у Армена Леоновича) совместных с другими авторами научных публикаций очень мало, буквально по пальцам перечислить, но одной из них я очень горжусь. Это род *Hypericum* в 5-м томе “Флоры Армении”, где у нас с Арменом Леоновичем общее авторство. Описав в 1940 г. один из прелестнейших видов нашей флоры, *H. formosissimum* Takht., он проникся тайной нежностью ко всему роду и, вначале поручив мне, потом решил и сам участвовать в его обработке. Вызвал меня в Ленинград, где мы вместе отшлифовали наши представления о видовом составе этого таксономически нелегкого рода в Армении, чрезвычайно продуктивно дополняя друг друга. Армен Леонович всецело был сосредоточен на редактировании “Флоры”, что делалось достаточно сурово по отношению к авторам и виртуозно по отношению к тогда ручному набору типографских текстов.

Долгие годы Армен Леонович в экспедиционный период приезжал в Армению. В длительных экспедициях он не участвовал, но краткосрочные поездки с ним буквально обогащали ум и душу. Его особенно притягивала ксерофильная флора Ехегнадзора (Дарелегиса) и горных массивов Араратской котловины.

В Ереване он активно общался с художниками, был в дружеских отношениях с Мартиросом Сарьяном, Миной Аветисяном, Мартьяном Петросьяном, Арутюном Галенцем и зачастую приглашал их участвовать в своих экскурсиях. Так, еще в наши аспирантские годы нам с Норой довелось участвовать в навсегда запомнившейся поездке с Сарьяном. 1952 год, знойное лето. В один прекрасный день Армен Леонович распорядился, чтоб с самого раннего утра следующего дня, чуть ли не с восходом солнца, мы с Норой и с ним поехали в сторону горы Еранос. Это ботаническая и эстетическая жемчужина Араратской котловины ниже с. Гарни по течению реки Азат, по левому борту живописнейшего ущелья. В 6 часов утра мы по безлюдному городу послушно направились к дому Армена Леоновича и нисколько не удивились, застав глубоко спящую безмолвную квартиру, поскольку знали, что страдая бессонницей, Армен Леонович физически не приспособлен к столь раннему пробуждению. Уселись на скамейке напротив их окон и стоически дожидались движения в квартире, состоявшегося к 9 часам. В дом нас пригласили около 10 часов, и здесь Армен Леонович объявил, что решил взять с нами Мартироса Сергеевича. В результате, мы на нашем экспедиционном “виллис”-е заехали за Мастером, которого очень не хотела отпускать жена (ему тогда было уже 72 года). Армену Леоновичу удалось ее уговорить, и мы двинулись в путь, достигнув удобного места уже к 12 часам. Двугорбый пестроцветный Еранос на самом деле был во всей красе и очень вдохновил Мартироса Сергеевича. Наше пристанище находилось на самом краю правого отвесного борта ущелья, где установили мольберт и большой зонт, и он сразу же начал наносить на холст краски. С ним остался водитель, а мы с Арменом Леоновичем спустились к реке и, перейдя ее, отправились за нашей ботанической добычей на противоположный борт ущелья. Вернувшись, застали очень довольного Мартироса Сергеевича, заканчивавшего одно из своих замечательных полотен, “Ущелье реки Азат”. Стали собираться в обратную дорогу, как вдруг Мартирос Сергеевич оступился, упал и на наших глазах сразу стал катиться вниз по склону к обрыву. К счастью, перед самым обрывом зацепился за скалы. Ужас, страх, общий стресс. На это Мартирос Сергеевич заулыбался, сказав: “Это же наши армянские камни, они же мягкие”. Промыли царапины на его лице и совершенно подавленные отправились в обратный путь. Как досталось Армену Леоновичу от жены художника, нетрудно представить. Но зато это полотно (см. фото) по сей день украшает экспозицию в доме-музее Сарьяна.

Во время одной из других своих поездок, уже в 60—70-е годы, Армен Леонович повез с нами Миной Аветисян и Альберта Парсамяна, опять же в окрестности Гарни. Там, не выдержав зноя и пекла, Миной укрылся внутри широчайшей бездействующей цементной трубы, как вдруг через некоторое время заметил, что у входа расположилась змея — очень ядовитая гюрза. Опять страх и ужас, пока пресмыкающееся не додумалось уползти.

Рассказывая о “гранях” Армена Леоновича, нельзя обойти стороной проявление его альтруистических наклонностей. Он не просто дружески относился к молодым художникам. Миной несколько лет скитался по съемным квартирам и мастерским. Армен Леонович, благодаря своему влиянию и настойчивости, сыграл немалую роль в разрешении этой проблемы, и Миной стал обладателем прекрасной 3-х комнатной квартиры и мастерской в центре Еревана.

В постсоветские смутные годы и до конца жизни он существенно и регулярно оказывал финансовую помощь своей первой ученице, ныне здравствующей Е. М. Аветисян, которая лишь на 13 лет моложе своего учителя. Будучи чрезвычайно строгим и непреклонным при оценке

научной продукции своих подопечных, Армен Леонович считал необходимой работу в гербарии и библиотеке ленинградского БИН-а. В советский период это осуществлялось безоговорочными командировками. Но после, в ряде случаев, для поездки уже в Санкт-Петербург, он брал расходы на себя.

В быту Армен Леонович был совершенно неприхотливым и, я бы сказала, даже стеснительным. Ко всем своим ученикам обращался только на “Вы”. Обладая неиссякаемым юмором, он умел оценить его у собеседника. Приезжая в Ереван, с удовольствием бывал вместе с Алей у нас дома в гостях, а в переписке никогда не забывал передавать приветы всем домочадцам. И мы тесно общались с его мамой и сестрами Норой и Нелли. Прелестная Нора Леоновна, к великому сожалению очень рано ушедшая из жизни, была нашей школьной учительницей немецкого языка.

При всей своей занятости Армен Леонович был по-отечески заботливым к своим ученикам. Приведу маленький и смешной, но о многом говорящий пример из нашего, еще аспирантского периода. Когда мы досрочно сдавали экзамен по философии, он за нас очень волновался, а мы, грешные, получив по пятерке, на радостях забыли сразу оповестить его об этом. Не успели добраться до общежития, как меня вызвали к телефону. Накануне в академической столовой за нашим столом случайно оказался некий аспирант Аркадий, который выразил искреннее сочувствие по поводу предстоящего экзамена. Так вот, я беру трубку и, не дождавись голоса, сразу говорю: “Аркаша, это ты?” И, о ужас, в ответ звучит голос Армена Леоновича: “Нет, дорогая Ванда, это ваш бедный и старый учитель”. Мы сильно сокрушались, а безвестный “Аркаша” надолго застрял в нашей памяти.

Щедрой рукой судьбы Армену Леоновичу был отпущен почти век земного существования, закончившегося одновременно с публикацией последнего, 11-го тома “Флоры Армении” и заключительного варианта классификации цветковых растений в последней его книге “Flowering Plants”. Последний том “Флоры” подержать в руках он не успел, но несказанно был счастлив факту их выхода в свет. Редчайшая итоговая ситуация. И “Флора”, и проблемы классификации цветковых растений сопровождали Армена Леоновича почти всю его творческую жизнь. В этом же ряду и “Грани эволюции”, изданная двумя годами раньше, в 2007 г., в которой подытожены его теоретические изыскания.

Что касается “Flowering Plants”, то это воистину “памятник нерукотворный” ее автору. В настоящем это, практически, является энциклопедией макротаксономии цветковых растений Земли. Армен Леонович всегда поражал своей, можно сказать, “компьютеризованной памятью”, беспредельной широтой хранящейся в ней информации, которой он пользовался быстрее, чем мы нажимаем клавишу, моментально переключаясь в самые несомнимые области знания. Яркими свидетелями этого были будни подготовки и проведение XII Международного ботанического конгресса, президентом которого он являлся, опять же, подготовительный период издания “Жизни растений” и, наконец, уже в свои 90-е годы, осуществление второго, после “Diversity and Classification of Flowering Plants” (1997), значительно расширенного и переработанного издания этой книги, под названием “Flowering Plants” (2009). В отличие от “Diversity and Classification of Flowering Plants”, здесь все семейства, естественно кроме необъятных, представлены полным набором родов. К примеру, если в “Diversity...” по трибам *Brassicaceae* процитировано всего 102 рода с добавлениями “и др.”, то в последней книге приведено 418 родов, из которых 50 в синонимах. Для таксонов всех рангов выше рода (763 таксона) приведены важнейшие публикации до 2007 года, в охвате как таксономических новаций, так и новейших данных молекулярных, химических, палинологических, анатомических и др. исследований. Исключительную ценность представляют ключи для определения семейств каждого порядка, с использованием информации из вышеназванных смежных областей науки (156 ключей для определения 550 семейств). Общий объем книги — 871 страница. Один экземпляр этой бесценной книги сын Армена Леоновича, Леон (профессор математики, Нью-Йорк), приехавший на похороны отца в Санкт-Петербург, привез с собой в дар библиотеке Института ботаники НАН Армении, за что ему большая благодарность.

Что касается “смежных” наук, то придавая им большое значение, Армен Леонович насаждал их в курируемом им отделе систематики Института ботаники АН АрмССР. Особо уникальная ситуация сложилась ко времени подготовки обработок по сложноцветным для 9 тома “Флоры Армении”, когда параллельно с основным морфолого-географическим методом велись исследования представителей *Asteraceae*, как специалистами в области палинологии, кариосистематики, анатомии, биохимии в соответствующих группах, так и традиционными систематиками, овладевшими этими методами.

В последний раз я виделась с Арменом Леоновичем в Санкт-Петербурге, в 1998 году в день его 88-летия. БИН-овцы, не желая его сильно утомлять, миссию поздравления возложили на меня. Нагрузили цветами и своими посланиями так, что я еле втиснулась в дверь квартиры. Еще тогда Армен Леонович сказал: “Ванда, я никогда не предполагал, что так долго буду жить”. А впереди оказалось еще более десяти плодотворных лет. В последний раз я слышала его голос по телефону, поздравляя с наступлением 2009-го. В этот год, 10-го июня, в день его рождения, буквально святой для всех нас, решили его не тревожить и общались опосредованно.

Не каждому выпадает счастье иметь такого Великого учителя до своей собственной глубокой (опять же, к счастью, еще творческой) старости. Спасибо судьбе.

Институт ботаники НАН РА,
0063, Ереван, ул. Ачарян 1
botanyinst@sci.am

Ущелье реки Азат. М. Сарьян, 1953.